

ЕСТЬ ТАКИЕ ХАРАКТЕРЫ

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

«Создается на сцене современная идея».

В белом меллиновском талете, так ладно сидящем на ней, как, вероятно, сидела в те уже далекие годы военной формы, почти бесшумно появляется на сцене Люба. Внимательно, да нет — слишком обязательно это слово, будто каждой клеточкой души воспринимает она распорядительный шепот — академичка Бурцева. Короткое «горюхо», и ты же бесшумно выходишь из кабинета. Эпизод этот — в одной из первых сцен нового спектакля Театра драмы имени А. С. Пушкина «Пока бьется сердце», поставленного И. Горбачевым по пьесе Д. Храбровицкого.

Любу играет Нина Мамлеева. Будет еще несколько почти бессловесных появлений ее героини, но уже с самого начала вам трудно оторвать взгляд от этой тихой, внешне всегда спокойной женщины. Что-то тревожит, заинтересовывает нас в ее глазах, в том, как она обращается к Бурцеву или Крымову. И внимательно следя за диалогом героя Василия Меркурьева и Игоря Горбачева, какими-то внутренним зрением следишь за Мамлеевой: секрет этого — в том же духовном богатстве, той душевной щедрости, умения походить другого не только с полуслова, но и с полувзгляда, что превращает актрису в образ верного и беззаветного соратника Бурцева. Точно в мураму раскрывает Мамлеева дураку несостоявшегося женского счастья. И не в разговорах это проявляется, а в поведении сокровенных движений души, в невидимых токах, что сообщаются залу.

Эпизодическая вроде бы роль... Стержась от частого употребления классических слов, что «нет маленьких ролей». И в своей Любови Макайлочне справедливость этого тезиса Мамлеева доказывает безукоризненно.

А за мастерски созданным эпизодом — тридцать лет актерского труда, истового, творческого. Легким и ясным, на первый взгляд, представляется путь Нины Васильевны в искусство. Мне сегодня трудно назвать актрису более популярную среди ленинградских школьников пятидесяти годов, чем тюзская Мамлеева. Прошла десятилетия, но память прочно хранит юности ее улыбку: она девочка — Вику в «Аттестате зрелости» Л. Гераскиной, Люсю в «Ее друзьях» В. Розова, Наташу в «Дневнике Наташи Соколовой» А. Зака и В. Кузнецова, то отважно, то настойчиво вступающая в жизнь, порывистая и замкнутая, душевно чистая и шепелява. Это была девочка из неведим школ, — она словно оказалась в одном с нами классе — настолько достоверно, психологически точно играла их Мамлеева. Она жила бы жизнью, их радостями и горестями, их верой и надеждами. И часто ходила тогда в ТЮЗ «на Мамлееву».

Пожалуй, в помине одной из лучших ролей остается Джульетта. Шекспировская героиня пленила в ее исполнении не только грациозностью, душевной чистотой, но любовью, силой своей любви, стремлением бороться за нее. А рядом была чеховская Анна, будто пронизанная весенним светом, открытая всем ветрам жизни.

За Мамлеевой вечно утверждалась амплуа актрисы лярво-драматической, которое четко определялось еще в годы учебы в мастерской чужого педагога, замечательного артиста и режиссера Л. Ф. Мазарьева.

Мамлеевой заинтересовались кинематографисты. Г. М. Козинцев снял ее в «Беллиссимо» и приметил как будущую Офелию для своей постановки «Гамлет» в Театре драмы имени А. С. Пушкина.

«Отказаться от предложения, остаться в ТЮЗе? В театре, ставшем для нее первой школой мастерства, первым творческим коллективом единомышленников, руководимым А. А. Бринцевым. Именно здесь, по признанию актрисы, она по-настоящему поняла значение сценического искусства. Но с другой стороны, как писала Мамлеева лет пятнадцать назад, «вступила момент, когда я почувствовала вдруг, что детский театр где-то спускает моя чисто, актерские, творческие желания и мечты».

Мамлеева решает перейти в труппу старшего драматического театра. Что ж, ТЮЗ всегда был в ее сердце, поэт своего рода колыбелью и кузницей актерских талантов. Выпестовав, он порой расстается с ними. Расставание это боль-

но и горько, но лучшее его питанием на всю оставшуюся жизнь становится в своем творчестве, в жизни те добрые начала, что были заложены в тюзовских стенах.

Не часто бывает, чтобы на академической сцене молодой актрисе выпадало счастье в трех первых сезонах сыграть Офелию, Нину Заречную, Лягу Кисельникову в «Путине» А. Н. Островского, Полину в историко-ирониче романа Ф. М. Достоевского «Игрок». Да, актерское счастье. Л. С. Вильямс, руководивший в ту пору театром, внимательно следил за работой Мамлеевой, не только помогал ей советом, главное, что он верил и доверял дебитантке.

А дебют был не из легких — Офелия, где партнерами выступала Бруно Фрейндлих в Юри Толубеева. Доверившись лярво-драматическому дарованию артистки, Г. М. Козинцев сознательно выдвинул в характере Офелии ее нежность и хрупкость. Женственность и жертвенность сочетала героиня Мамлеевой.

Иными графиями оба эти качества — женственность и жертвенность — высветятся в чеховской «Чайке», в образах «Пулхлы» и «Игрока». В сотрудничестве с режиссером Л. С. Вильямсом и В. П. Кожичевым актриса сумела создать строгие внешне и смелые внутренне натуры, в которых как бы новую жизнь обрели авторская мысль и некоевая правда классических произведений. Неизгладимыми жизненным путем пройдут эти героини Мамлеевой — лярва в просветленности Заречной окрестится драматической скорбью в спектаклях по Островскому и Достоевскому.

Разными были эти образы, но их, как и будущее создание артистки, отличало утверждение человеческого достоинства и мужества, ответственности человека за все, что совершается рядом с ним. Примечательно, что Мамлеевой лучше всего удается роль, в которых героиня находится перед выбором своего дальнейшего жизненного пути, где в разных социальных, общественных, нравственных обстоятельствах формируется характер.

Не имеет ли и не искала Мамлеева для своих героинь легких дорог. Скорее искала, придумывала, находила дополнительные трудности и сложности. Так она работала над образом Любы из спектакля «Пока бьется сердце», так создавался образ Марии в пьесе А. Салтинского, а если быть верным хронологии, то расказ следует повести о Маме из спектакля «Совет Петrarхи» Н. Ф. Погодина. В театру этого ораженного лярво-актера голубиной персонажа актриса сумела привнести драматизм, тревожащие душу ноты. И стала достойной партнершей Николаю Симонову. Одна из замечательных ролей Петrarхи получила вполне земное и острое романтическое звучание. Благодаря дуэту Мамлеевой и Симонова несколько сентиментальное повествование обрело публицистичность, гражданскую страстность.

Успехи, успехи... Нет, не только они. Были и подулаки в спектаклях случайных, проходных, таких, как «Дальние дороги», были ретроспективные воспоминания о тюзовских героинях — «Семья Журбиних» по роману В. Кочетова. Были ли неудачи открытые? Ответить однозначно нельзя. И вот почему. Приглашенный для постановки «Антигона» Софокла Д. Алексидзе, стилизуя спектакль под древнее трагедийное действо, возложил его героев на котурни (не внешне, но внутренне), поручил главную роль Мамлеевой. Сыграть характер настоящего трагедийной — соблазнительно, и какой актрисе об этом не мечтает? Но намерения режиссера и возможности исполнителя не совпали: искренность, искренность Антигона — Мамлеевой пришлось в противоречие с общей повестью постановки. Неудача спектакля была досадной, но закономерной.

Недолгую сценическую жизнь имела и Шень Дэ в «Добром человеке из Сучуани». Лучшее, светлое и мудрое при том горькое играла ее Мамлеева. Только сыгранном подробное разъяснение режиссером трагизма положения ее героини оставляло равнодушным зал, не возникало того необходимого контакта, без которого немалым театру не состоялось, по словам актрисы, «договоренности художника с аудиторией», когда

«Создается на сцене современная идея».

«Современная идея, современная проблематика, жизнь. К ним Мамлеева стремится упорно в каждом создаваемом образе. Не так уж много центральных ролей выпало на ее долю в современных пьесах за последние годы. Секретарь райкома Мария, и... все. Артистка играла ее с искренней увлеченностью и любовью, счастливостью, радостью за то, что есть такие характеры на земле. Быть может, истинному успеху этой работы помешали многочисленные поправки, внесенные разными сторонами по ходу репетиций, быть может, не во всем точное распределение ролей. Но даже при том, что «Мария» не принесла полного удовлетворения ни зрителям, ни самой актрисе, она стала для Мамлеевой важной вехой на καλύτεм творческом пути. Кто знает, не будь этого опыта, пришла ли бы удача в Любу...»

А рядом, точнее, за несколькими лет до Марии — Лида в «Смерти комиссара». Как-то незаметно прошла эта роль, одно из сокровеннейших созданий актрисы. Мать двух детей, жена неудачливого коммюнера, героиня Мамлеевой с лярво-актерской и драматической проникновенностью отделила трагизм Ломеца — Толубеева. И с огромной, неутихающей сердечной болью вела страстный до неистовости разговор о судьбе человека в мире, где главная ценность — деньги, где человека вымарывают за неадекватностью «как выжатый лимон». Актриса достигала редкой трагедийной проникновенности.

Прошедшие десятилетия прочно укрепили за Мамлеевой амплуа лярво-драматической героини. Но как решительно в минувшем сезоне разрушила она давно сложившееся представление о себе, сыграв Тартальсону в «Зеленой птичке» Карло Готти! Слово вспоминала актриса свою Лизу в гробоводском «Горе от ума», игравшую еще в школьные годы. Не отступил ли не расстраивало до сих пор лукавство, озорство, задор, импровизационность — все это, возможное на мастерство, определило успех в несвойственном, казалось бы, Мамлеевой прежде лярво-драматическом жанре. Кроме того, в спектакле, в основном молодежном, актриса стала его «клерком», помогая молодым коллегам, подзаглядывая их, вовлекая в их разговоры.

Отношения с молодежью у Мамлеевой самые добрые, сердечные. Помню, как помогала она Татьяне Лярной вводить ее на главную роль в «Марии», как трепетно и требовательно передала астафету дорогой для себя роли. И так — во всем, будь это репетиция, заседание художественного совета, конференция и в ТО.

Актерское счастье... На первый взгляд, так оно и есть. Работа под руководством замечательных режиссеров, рядом с Н. С. Рахешской, Е. И. Тиме, К. В. Скоробогатовым, В. И. Честновым, вела ее к блестящим выступлениям на сцене — это же не счастье? А роли какие были! Но почему-то не получается мажорного финала. Не так уж мало сыграно ролей, но — не смятком ли мадо? «Я тоскую по выводу, но непримиримости, мы на сцене хотим протестовать, отстаивать, добиваться», — под этими словами Мамлеевой, думаю, готово подписаться и ее коллега по театру — Нина Ургант, Юрий Родионов, многие другие. «Одним словом, — продолжает актриса, — в тоску по активной современной героине, по такой женщине, которая бы выразила мое сегодняшнее отношение к жизни и к людям».

Пусть это сказано давно, но, убежден, Мамлеева мечтает о такой роли и сегодня. Такой уж ее характер: при доброте — неизменная требовательность, при внешнем благополучии — постоянная неудовлетворенность собой. И убеждена, что как только актриса разрешит себе думать о творчестве как о службе, то что-то она потеряет как художника, слезут свои позиции. «А настоящее, большое творческое счастье все-таки, видимо, не заключается в одном человеке, оно обязательно в связи со счастьем многих других».

С этим убеждением выводит от вечера к вечеру на просветленную сцену наша артистка РСФСР Нина Мамлеева.

Ю. КРАСНОВ